

В.А. Чалмаев, С.А.Зинин

Опыт анализа стихотворения «Некрасивая девочка» (1955)

Прежде всего обратите внимание на предельно активное начало стихотворения, сопряженное с обостренной наблюдательностью, с непрерывно идущим в душе раздумьем о красоте. Это тема всех «портретов» Заболоцкого. Из стайки играющих, внешне таких одинаковых детей сразу выхватывается эта девочка:

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей...

Поэт успевает заметить среди «других», то есть одинаковых, ничем не выделяющихся, средних (а может быть, и красивеньких?), детей ее особенность: она играет не своими игрушками, она не имеет подарков вроде велосипеда у мальчишек. И рубашонка у нее — «худая», то есть скромная, бедная, о ней нечего сказать. Эта девочка еще не понимает резкой границы между тщеславием богатства и своей бедностью, между чужим и своим:

Она ж за ними бегаёт по следу,
Чужая радость так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвется.

Поэт предчувствует, что жестокий мир скоро напомнит ей и об этой худой рубашонке, и о чужом и своем, и о чертах лица, которые «остры и некрасивы». Он обидит бедную дурнушку и едва ли пощадит — сломает, как игрушку, ее сердце. Вера поэта, что младенческая грация души перетопит тяжкий камень неуважения, надменности, недоброты, что чистый пламень огня спасет и ее, совершенно не имеет оттенка назидательности, упрека красивым. Это все сплошное предположение, надежда. Поэт помнит о высшей красоте — огне, который принес людям Прометей, помнит о том, что и в природе, как в сосуде, всего прекраснее, важнее всего то, что

Горит весь мир, прозрачен и духовен,
Теперь-то он поистине хорош...

(«Вечер на Оке»)

Но все ли мыслят так возвышенно? Все ли способны отрешиться от идеала плотской, земной, даже грубоватой красоты? Все ли способны оценить даже то слово «мерцает», которое Заболоцкий выбрал для концовки? А оно не заменимо словами «сверкает», «блистает», «играет светом»:

.. Что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

«Сверкает» все искусственное, сверкает холодная поверхность, порой самоварное «золото», а мерцает, то есть рождает тепло и свет, все живущее, естественное, небесное, выстраданное. Оно не яркое, но волшебное. И как всегда у поэта — целых два вопроса, уходящих в вечность, не разрешенных до конца — в финале стихотворения. Это не философский комментарий, вкрапленный в него (чаще всего эти вкрапления, афоризмы только и замечаются в Заболоцком!), а итог многих раздумий без окончательного ответа, выходящих на поверхность печатной страницы. Как соединить форму (сосуд) и волшебное

мерцание? Не обесценив оба лика Красоты? Как «расправится» жизнь с доверчивой душой этой некрасивой девочки, едва она покинет детство?

«Мерцание» как вид особого свечения привлекал Заболоцкого всегда. В стихотворении «Портрет» (вдохновленном женским портретом Ф. Рокотова) красота предстает как загадка, приблизившаяся к людям, «мерцающая» из тьмы былого:

Ее глаза — как два тумана,
Полуулыбка, полуплач...
Когда потемки наступают
И приближается гроза,
Со дна души ее мерцают
Ее прекрасные глаза.

Обратите внимание на два слова — «полуплач» и «мерцают». Лирика для Заболоцкого — не обильные слезы, лирика — это сдержанные слезы. И замена слова «сверкают» на «мерцают» да еще «со дна души» — тоже не случайна.

В «Некрасивой девочке» прямого выхода к глубинам души, к небесным высотам, к божественной родине истинной красоты, к той красоте, рядом с которой находится добро («нравственная красота»), нет. Здесь все как будто — в пределах детской площадки, ничто не уходит за пределы земного времени: и тревоги, и надежды. Но в финале поэт как бы вырывается из тесного круга, преодолевает земное (и бытовое) притяжение, напоминает о том, что душа человеческая, сотворенная Богом, имеет бездонную глубину, свою реальность, «в прелести которой очищается и просветляется вся скорбь бытия». И ведь не столь уж важно, красив ли был внешне Моцарт, через «музыку которого мы становимся причастниками детской игры неких ангельских существ», глух ли (то есть обижен судьбой) был угрюмый часто Бетховен, замкнут ли И. Бах, музыка которого «как бы отверзает нам небеса».